

В. Н. ЗИНЬКО, Л. Ю. ПОНОМАРЕВ

СТЕПИ ВОСТОЧНОГО КРЫМА В ЭПОХУ ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА

Согласно сообщениям византийского историка Феофана и патриарха Никифора, вскоре после распада Великой Болгарии не последовавшие вслед за Аспарухом за Дунай орды болгар Батбаяна были покорены хазарами, продолжавшими стремительно расширять свои владения на западе [1, с. 36/60, 37/61, 154/162]. В результате некоторые из них вынуждены были покинуть степи Северного Причерноморья и Приазовья, мигрировав в Подонье и Крым [2, с. 49, 52; 3, с. 100]. Лишившись привычных условий обитания и, прежде всего, обширных степных пастбищ, расселившиеся в центральном предгорье и Восточном Крыму болгары постепенно перешли от кочевого способа ведения хозяйства к оседлому. Ведущими отраслями их экономики становятся земледелие и отгонно-пастбищное скотоводство. Существенные изменения претерпела и их социальная организация. По мнению С.А.Плетневой, одновременно с изменением хозяйственного уклада из кровнородственных общин-курений стали выделяться большие семьи-аилы [2, с. 37-38].

В предгорных районах Крыма принадлежащие аилам небольшие неукрепленные поселения располагались в долинах и верховьях крупных непересыхающих рек, а в Восточном Крыму сосредоточились в основном в пределах Керченского полуострова [4, рис. 1]. На территории последнего раннеболгарские поселения впервые были обнаружены в ходе разведок А.В.Гадло (1962) и В.В.Веселова (1950-1964) у с. Пташкино, с. Героевское (ныне пос. Эльтиген), с. Калиновка, с. Бранное Поле, с. Ерофеево и с. Фронтное [5, с. 59-60; 6, с. 5]. При этом первоначально основным критерием для их выделения послужили находки фрагментов амфор VII – начала VIII вв., в том числе коричневоглиняных с “перехватом” на тулове – типа 103 по И.Б.Зеест [7, табл. XI, 103]. В 1963-1964 гг. А.В.Гадло продолжил исследования на одном из поселений у с. Героевское (на современной археологической карте поселение Героевка-3) и

у с. Пташкино. В процессе раскопок здесь были выявлены строительные комплексы и хозяйственные ямы, отнесенные исследователем к раннему этапу существования поселений и, соответственно, датированные им концом VII – началом/серединой VIII вв. [8, с. 78-84; 9, с. 167; 10, с. 130-145]. Жилые постройки этого периода представляли собой прямоугольные и квадратные в плане полуземлянки, вырытые в грунте. Одни из них были бесстолбовыми и перекрывались многоскатной крышей, а другие столбовыми с двухскатной крышей (рис. 1, 1). Отапливались они открытыми очагами или печами-каменками. Позднее борта полуземлянок стали выкладывать камнем, а выше краев котлована невперевязь возводятся двухпанцирные стены, отличавшиеся довольно примитивной строительной техникой (рис. 1, 2, 3).

К этой же группе памятников, скорее всего, относится и землянка, обнаруженная на одном из участков курганно-грунтового некрополя городища Нимфей, правда, автор раскопок склонен датировать ее более ранним временем (IV-VI вв.) [11, с. 202, рис. 12; 12, с. 170-171]. К сожалению, происходящая из заполнения землянки опубликованная керамика не представлена формами, позволяющими однозначно принять ту или иную точку зрения. Однако следует отметить, что каких-либо артефактов и тем более археологических комплексов IV-VI вв. на территории некрополя до сих пор не выявлено¹, в то же время один из его участков занимало довольно крупное салтово-маяцкое поселение Эльтиген-Западное [13, с. 189]. В процессе раскопок некрополя Нимфея Н.Л.Грач в верхних слоях неоднократно фиксировала остатки жилищ, каменных оград, хозяйственных ям и керамики, которые исследовательница датировала VIII – IX вв. [14, с. 43, 45, 46, 49, 64, 69, 70, 97, 99, 100, 181].

На раннебулгарских поселениях, расположившихся среди развалин античных и ранневизантийских городищ, отдельные жилища стали возводить на месте древних, частично сохранившихся построек. При этом руины последних использовались не только в качестве готового строительного материала или фундаментов, но и органично вплетались в новую конструкцию. Одно из таких жилищ обнаружено на городище Тиритака. Устроили его внутри полуразрушенной ранневизантийской базилики [15, с. 190-204]. Как считает А.И.Айбабин, время его сооружения следует отнести к началу VIII века [16, с. 190].

---

¹ Пожалуй, единственным исключением является стеклянный кувшин с христианскими символами, датированный Н.З.Куниной второй половиной VI – началом VII вв. Этот сосуд, ныне хранящийся в Отделе античного мира Государственного Эрмитажа, поступил в 1900 году в составе коллекции А.В.Новикова, имение которого находилось в Эльтигене в непосредственной близости от некрополя [74, с. 82-86]. Однако в коллекцию А.В.Новикова – известного керченского собирателя древностей, вещи поступали не только из нимфейского некрополя. Поэтому доподлинно установить, откуда происходит сосуд, на наш взгляд, невозможно.

Возможно в это же время тюрко-болгары стали селиться в монументальных каменных склепах первых веков н. э., на тот момент уже вскрытых и ограбленных [17, с. 225-228].

К рассматриваемой группе памятников можно отнести и поселение на мысе Зюк [18, с. 167]. Из верхних его слоев происходит набор из семи накладок, которые, по мнению И.О.Гавритухина, следует датировать последними десятилетиями VII в. [19, с. 89-91].

В отличие от поселений погребальных памятников, которые даже предположительно можно было бы отнести к концу VII – первой половине VIII вв. на Керченском полуострове пока не выявлено. Наиболее архаичные черты имеет одиночная грунтовая могила, открытая на поселении Героевка-6, где был погребен мужчина, уложенный головой на восток [13, с. 190-191, рис. 8,9] (рис. 8, 1).

Во второй половине VIII в. в Крыму появляются десятки новых поселений, при этом большей частью они фиксируются на Керченском полуострове. Относительно времени их появления исследователи единодушны, но причины, вызвавшие массовый приток нового населения остаются до сих пор предметом дискуссий [20, с. 163]. На Керченском полуострове поселения, оставленные тюрко-булгарами второй миграционной волны, впервые были выявлены В.Ф.Гайдукевичем в верхних слоях античных городищ Тиритака и Мирмекий [21, с. 15-134; 22, с. 135-205]. Начало нового этапа в их изучении связано с широкомасштабными разведками 1960 и 1962 гг., проведенными в этом регионе Д.Л.Талисом и А.В.Гадло [23, с. 93-94; 5, с. 59-60]. Фактически без изменений результаты этих исследований были положены в основу современных археологических карт раннесредневековых памятников Крыма. В пределах полуострова на них отмечено 46 поселений и два могильника второй половины VIII – X вв., относящихся к “крымскому варианту” салтово-маяцкой культуры [4, рис. 1]. Однако указанная цифра весьма отдаленно отражает реальную ситуацию. В связи с этим особого внимания заслуживают результаты разведок В.В.Веселова. В ходе многолетних исследований, с 1950 по 1964 гг., им было выявлено 170 салтово-маяцких (тюрко-булгарских) поселений и несколько могильников, но, к сожалению, эти памятники так и не были опубликованы и соответственно введены в научный оборот. Некоторое представление о плотности тюрко-булгарских поселений дают результаты разведок, проведенных нами в 1989-1998 гг. На сравнительно небольшой территории площадью около 70 км² (при общей площади Керченского полуострова 3255 км²) между Тобечикским и Чурбашским озерами удалось обнаружить свыше 50 различных памятников, датируемых второй половиной VIII – первой половиной X вв. [24].

Картографирование известных на сегодняшний день салтово-маяцких поселений позволило выявить ряд закономерностей в их размещении. Большой частью они располагались в восточной части Керченского полуострова, явно

тяготей к Боспору и пролежавшим по Керченскому проливу морским торговым коммуникациям. В западной его части, по мере приближения к Ак-Монайскому перешейку, поселений становится заметно меньше. Эту закономерность можно объяснить двумя причинами. Во-первых, отсутствием в данном регионе крупного торгового и экономического центра, поскольку находившаяся здесь античная Феодосия окончательно запустела уже в конце V – начале VI вв. или даже несколько раньше [25, с. 29; 26, с. 132-133]. А в рассматриваемое нами время она, согласно посетившему Крым в начале IX в. монаху Епифанию, "...не имела даже следа человеческого" [27, с. 268]. Во-вторых, активному освоению западных земель полуострова препятствовали неблагоприятные физико-географические условия, прежде всего недостаток пресной воды и малопригодные для сельскохозяйственного использования солонцеватые черноземы и степные солонцы.

В зависимости от ландшафтных условий все поселения Керченского полуострова можно разделить на две примерно одинаковые группы. Поселения, тяготевшие к морскому побережью, обычно располагались в удобных бухтах и на пологих морских террасах. В глубинных, удаленных от моря районах они занимали долины степных непересыхающих рек, южные пологие склоны холмов, балок и возвышенностей. Вершины возвышенностей заселялись гораздо реже и, как показывают результаты археологических разведок, лишь в том случае, если здесь некогда находились более древние городища, руины которых были довольно привлекательны с утилитарной точки зрения. В качестве таких примеров можно назвать поселения, разместившиеся на территории античного городища Артезиан и позднеантичной крепости Илурат [28; 29, с. 134-146].

В наиболее пригодных для проживания и эффективной экономической деятельности районах полуострова плотность населения резко возрастала. Так, на сравнительно небольшом участке приморской террасы у пос. Эльтиген, протяженностью около 6 км, было выявлено 17 салтово-маяцких поселений [13, с. 186-200]. Часть из них располагались настолько близко друг к другу, что в свое время А.В.Гадло принял их за одно, площадью около 160 га [8, с. 78-79]. Наличие удобной бухты, плодородные почвы и изобилие пресной воды способствовали активному освоению балки Чикграл-Джилга у с. Заветное в юго-восточной части Керченского полуострова. На ее северных склонах и у устья следы поселений второй половины VIII – середины X вв. удалось проследить на протяжении 3 км. Здесь же найдены могильники, небольшое укрепление и святилище [30, с. 264-282]. Вытянувшиеся в виде своеобразной цепочки поселения обнаружены на севере Керченского полуострова, между мысом Казантип и мысом Зюк, а также во внутренних его районах у с. Фронтное и с. Сокольское. Не менее плотно была заселена ближайшая округа Боспора – крупнейшего в этом регионе торгово-экономического и административно-политического городского центра. К

сожалению, значительная часть этой территории в нынешнее время находится в пределах административной зоны г. Керчи, в связи с чем расположенные здесь памятники археологии подверглись губительному для них антропогенному воздействию. Ближайшие к Боспору салтово-маяцкие поселения пока что удалось обнаружить только к западу от современных городских окраин, в том числе в обширной и плодородной долине р. Мелек-Чесме и у с. Восход к югу от Митридатского хребта (разведки В.В.Веселова).

Несмотря на свою многочисленность, салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова изучены еще слабо, поскольку, за редким исключением, еще не подвергались широкомасштабным и целенаправленным раскопкам. В связи с этим их планиметрические особенности реконструируются частично. Судя по всему, большая часть поселений представляла группу построек (усадеб), в беспорядке расположенных на расстоянии от 20 до 150 м друг от друга. Гораздо лучше изучены сами строительные комплексы.

Во второй половине VIII – IX вв. продолжали возводить полуземлянки с каменными стенками, известные по раскопкам на поселении Героевка-3 [8, с. 81] и городище Мирмекий (раскоп “С”) [31, с. 13]. Функционируют и разнообразные жилища, сооруженные на остатках построек античного и ранневизантийского времени. Одно из них нами уже упоминалось. Это постройка, сооруженная на развалинах Тиритакской базилики. По своему прямому назначению продолжал использоваться и хорошо сохранившийся двухкамерный дом, построенный в I – II вв. н. э. на поселении Осовины-1 [32, с. 40]. Особый интерес представляют жилища, устроенные в позднеантичных склепах, раскопанных на некрополе крепости Илурат (склеп 19) [33, с. 124-125; 34, с. 155-156] и Кыз-Аульском некрополе [17, с. 225-228]. Постепенно на смену полуземлянкам приходят прямоугольные и квадратные в плане однокамерные наземные постройки, открытые на Тиритаке, Мирмекии и поселении Героевка-3 [22, рис. 81, г, д; 9, рис. 2; 35, с. 131-132] (рис. 2, 1). К этой же группе относится дом, возведенный внутри ритуального комплекса первых веков н.э. (т.н. “каменного кольца”) на некрополе крепости Илурат [36, с. 97, рис. 4] (рис. 2, 3). Еще одна аналогичная в плане постройка была возведена на вершине античного кургана, примыкавшего с севера к поселению Героевка-2 (рис. 2, 2). Но, в отличие от вышерассмотренных, она мало напоминает жилую и функционировала, скорее всего, как наблюдательный пост [37, с. 147-151, рис. 1]. В IX в. появляются двухкамерные дома, так называемые “пятистенки” (рис. 3). Строились они как отдельные жилища или в пределах усадеб с огражденными, частично вымощенными дворами, хозяйственными ямами и другими вспомогательными постройками. Дома-“пятистенки” – одна из наиболее многочисленных групп тюрко-булгарских жилищ второй половины IX – середины X вв. На Керченском полуострове их удалось раскопать на Тиритаке, Мирмекии, Илурате, поселениях Героевка-2, Героевка-3,

Героевка-6, южном склоне г. Опук и у с. Алексеевка [38, с. 61; 13, рис. 3,5,3; 39, с. 98-103; 40, с. 76-79; 41, с. 148, рис. 170]. По мнению И.А.Баранова, своим появлением они обязаны притоку в Крым в VIII в. малоазийского населения [42, с. 8; 4, с. 52]. Однако согласиться с этим утверждением трудно. Такой тип постройки был унаследован от местной позднеантично-византийской домостроительной традиции [43, с. 97]. Ярким примером тому служит уже упоминавшийся нами двухкамерный дом I-II вв. н. э. на поселении Осовины-1, который после незначительного ремонта вновь был использован как жилище во второй половине VIII в. Помимо самой планировки, тюрко-булгарами были заимствованы также архитектурные элементы и строительные приемы, такие как двухпанцирные каменные цоколи стен, подмазанные глиной или вымощенные камнем полы, дверные откосы из хорошо подогнанных плит, каменные пороги и печи-“каменки”. В то же время они, как и прежде, возводили стены не “в перевязь”, в “елку”, полы были заглубленными и иногда земляными, дома продолжали отапливаться открытыми очагами.

От обычных домов-“пятистенков” отличается двухкамерная постройка, открытая на поселении Героевка-3 [37, с. 151-157], одно из помещений которой было округлым в плане, а другое, пристроенное позже, прямоугольным (рис. 3,6). Аналогов ей найти пока не удалось.

Ведущей отраслью экономики восточно-крымских булгар второй половины VIII – середины X вв. являлось земледелие, о чем свидетельствуют многочисленные находки сельскохозяйственного инвентаря и палеоботанический материал. Наиболее часто, порой по несколько штук в отдельном жилом комплексе, встречаются ротационные ручные жернова. Одна из мастерских, где занимались их производством, обнаружена В.М.Маликовым в древней каменоломне, устроенной на окраине салтово-маяцкого поселения у с. Слюсареве на севере Керченского полуострова [4, с. 72]. Для помола зерна использовали также каменные ступы и плиты-зернотерки с одноручным или двуручным курантом. К числу редких находок относятся железная мотыга с незамкнутой втулкой из помещения IX поселения Героевка-3 [9, рис. 4] и железный черешковый серп, принесенный в качестве жертвы в святилище у с. Заветное [30, рис. 9,2]. Среди выращиваемых полевых культур преобладали зерновые, в том числе мягкие сорта пшеницы, ячмень и рожь, зерна которых найдены на поселении Героевка-3.

Немаловажное значение продолжало сохранять животноводство. Статистический анализ остеологического материала, собранного в верхних слоях поселения Героевка-3, дает нам представление о количественном и видовом составе стада. Едва ли не половину его поголовья составляли свиньи – 46 %, за ними следуют коровы – 22 %, овцы – 20 % и лошади – 9 % [4, табл. 4]. О высокой степени оседлости тюрко-булгар Крыма свидетельствуют хозяйственные комплексы, проливающие свет на условия содержания скота. Судя по всему, он

выпасался недалеко от поселений и в ночное время суток загонялся в кольцевые загоны и кошары, остатки которых выявлены разведками и частично раскопаны у г. Опук, на побережье Азовского моря и на поселении Героевка-2 [40, с. 76, 77; 28, с. 60,61; 44, рис. 70]. В зимнее время скот мог содержаться в специально предназначенных для этого постройках или одном из помещений двухкамерных домов, которые достаточно легко выделяются благодаря отсутствию в них отопительных устройств. Какое-то время в качестве кошар могли использоваться позднеантичные склепы на Кыз-Аульском и Илуратском некрополях. В пользу этого предположения свидетельствуют привязи для мелкого рогатого скота, вырубленные в их стенах [17, с. 225]. Жители прибрежных поселений активно занимались рыболовством, о чем свидетельствуют находки рыболовных снастей – костяных крючков и спиц для вязания сетей, бронзовых крючков и каменных грузил для сетей (Тиритака, Героевка-2, Героевка-3). Среди костей рыб преобладали позвонки осетровых и челюсти судаков. В повседневный рацион питания включались и мидии, створки которых выявлены на всех прибрежных поселениях.

Важнейшей отраслью экономики являлось ремесленное производство. Многочисленные находки глиняных пряслиц говорят о повсеместном распространении прядения и ткачества. Изготавливались они из хорошо отмученной глины, приобретшей после обжига красный и оранжевый цвет, и имели дисковидную, биконическую и усеченно-конусовидную форму. Некоторые пряслица изготавливались из стенок амфор. Наличие на Керченском полуострове мощных и относительно легкодоступных железорудных пластов способствовало развитию железоделательного производства. Химический анализ и картографирование находок полусферических криц из ноздреватого железа, а также железных шлаков свидетельствуют о том, что это сырье пользовалось спросом не только в Крыму, но и далеко за его пределами [4, с. 80, 81]². К сожалению, следов металлургического производства на салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова пока не выявлено.

Благодаря массовым находкам разнообразных керамических изделий гораздо лучшее представление мы имеем о гончарном ремесле. Однако печей для обжига керамики в Восточном Крыму пока не обнаружено, но в других районах полуострова они известны. Практически вся салтово-маяцкая керамика, обнаруженная на Керченском полуострове, независимо от ее назначения, изготавливалась на ручном гончарном круге. Среди ее технологических особенностей следует отметить разнообразие отощителей в замесе формовочной массы. В глину местные гончары добавляли карбонатные породы, толченую морскую ракушку, сухую глину, железистые минералы, древесный уголь, солому,

² Железные шлаки, полученные при переработке керченских руд, обнаружены на Тепсене и в Саркеле [75, с.129; 76, с. 145].

траву и крайне редко – зерна злаковых культур. В зависимости от их сочетания формовочную массу сосудов можно разделить на 11 групп [45, с. 217-224].

Функционально все сосуды подразделяются на тарные, кухонные и столовые. К тарным обычно относят толстостенные горшки с венчиками диаметром свыше 20 см. Среди редких находок можно отметить грушевидную корчагу с двумя петлевидными ручками, зачищенную на полу одной из построек поселения Героевка-3 [37, рис. 4,3] (рис. 6,4). Наиболее многочисленна кухонная керамика, среди которой преобладают шаровидные и яйцевидные горшки, украшенные горизонтальными и волнообразными полосами рифления, аналоги которым известны в Крыму, на Таманском полуострове, Северном Кавказе, Подунавье и Подонье (рис. 5, 1,2,4; 6, 1). Остальная кухонная посуда представлена кастрюлями и крышками для них (рис. 6,2), небольшими горшочками с одной ручкой (рис. 6,6), котлами с внутренними ручками-ушками и цилиндрической маслобойкой, форму которой удалось восстановить благодаря подобной находке из Саркела – Белой Вежи (рис. 6,3; 5,3).

Среди столовой керамики наиболее многочисленны серолощенные кувшины, генетически восходящие к аланской керамике предсалтовского времени. Близкие аналоги им мы находим на поселениях Таманского полуострова, хотя там они встречаются гораздо чаще [46, с. 179, тип 1, рис. 5]. Остальные лощеные сосуды, в т.ч. красноглиняные и коричневоглиняные, представлены мелкими фрагментами и, в основном, стенками. В связи с этим они не поддаются убедительной реконструкции. Хотя по составу глины большинство из них импортного происхождения. Нелощеная столовая керамика не столь разнообразна. Чаще всего встречаются неглубокие, различные по форме миски, чашки и кувшины, подражающие так называемым ойнохоям “баклинского типа” второй половины VII – IX вв. (рис. 6,5,7).

Большая часть нелощеной салтовской керамики, независимо от ее назначения, была украшена врезным орнаментом, нанесенным различными способами – вдавлениями, насечками, наколами и пальцевыми защипами. В качестве основных стилистических элементов орнаментов использовались геометрические и абстрактные фигуры: прямая линия, волна, гирлянда, ломаная линия, “молния”, полусфера, круг, овал, квадрат, треугольник и полумесяц (рис. 7). При сочетании они формировали разнообразные мотивы и зоны, но сложных композиций не образовывали. Наименее исследованным до сих пор остается вопрос о символике орнаментов, хотя, на наш взгляд, в это время они несли исключительно декоративную нагрузку. В целом рассмотренный керамический комплекс находит массовые аналогии среди керамики Подонья и Таманского полуострова, что может свидетельствовать не только об оттоке населения из этих регионов, но и сохранении постоянных и тесных контактов между ними. Незначительные отличия в местной керамике вызваны особенностями сырья,

технологий, и в то же время позволяют увидеть в них отражение процессов, связанных с византинизацией гончарного производства тюрко-булгар Крыма.

Торгово-экономические связи салтовских поселений Керченского полуострова проследить гораздо сложнее ввиду малочисленности импортных изделий и ряда трудностей, возникающих при выделении центров производства того или иного типа тарных сосудов, а также определении товара или продукта, которые доставлялись в них. Скорее всего, в роли главного торгового партнера для населения данного региона выступает Боспор. Его посредством тесные связи поддерживались с Херсоном и другими центрами Южного бережья, Юго-Восточного Крыма и восточного побережья Керченского пролива [47, с. 202]. Судя по находкам редких типов импортных амфор, определенные группы товаров доставлялись из портов южного Причерноморья и Средиземноморья. Торговые операции в рассматриваемое время осуществлялись в основном по морским коммуникациям, о чем свидетельствуют многочисленные амфоры, найденные на дне Керченского пролива и вдоль черноморского побережья Керченского полуострова. Функционировали, конечно, и сухопутные дороги. По крайней мере, многие салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова вытянуты вдоль северных отрогов Парпачского хребта и как бы маркируют издавна и по нынешний день пролегающую здесь дорогу.

Как уже упоминалось выше, все салтово-маяцкое поселения Керченского полуострова были неукрепленными. Единственным известным на сегодняшний день памятником, который можно отнести к числу фортификационных, является укрепление, обнаруженное в 1936 г. Ю.Ю.Марти у с. Заветное [48, с. 213, 214, пос. № 8]. Длительное время он не обращал на себя внимание исследователей и до сих пор не раскопан. Укрепление располагалось на небольшом мысу, окруженном с трех сторон балками глубиной до 12 м. В плане оно приближено к трапеции, общая протяженность стен толщиной 1,10-1,40 м составляет 57 м. Площадь внутреннего защищенного ими пространства достигала 530 м². С северо-восточной и юго-западной стороны стены образуют бастионообразные выступы. А с северо-запада, где отсутствовали естественные преграды в виде балок, мыс был отсечен от массива рвом. На основании подъемного материала укрепление предварительно можно датировать второй половиной VIII – серединой X вв. [30, с. 264-266] (рис. 4.1).

Недалеко от укрепления был исследован еще один уникальный памятник, представлявший собой небольшое сельское святилище тюрко-булгар, аналогов которому найти пока не удалось (рис. 4.2). Подобного рода сакральные памятники крайне редки и в других районах Крыма [49, с. 98-110]. Изначально ритуальные действия совершались в пределах овальной заглубленной площадки размерами 3,4-2,6 м. Примерно по центру площадки находилась неглубокая яма-очаг, а с юга к ней примыкал зольник. Примерно около середины IX в. святилище было

реконструировано. Очаг засыпается, площадка нивелируется, и вокруг нее с трех сторон сооружают каменную и глинобитные стенки. Среди находок, выявленных в верхних слоях святилища, особый интерес представляет глиняный дисковидный кружок-«лепешка» диаметром 3,8 см, на одну из сторон которого нанесены солярные символы. Такие изделия обычно рассматривают как ритуальную имитацию хлеба, а солнечная символика вполне могла воплощать идею о благотворном влиянии Солнца на урожай и растительный мир в целом. Таким образом, святилище вероятнее всего было связано с аграрными культами или общетюркским культом Тенгри, ипостаси которого Солнце, Луна, «Громы Небесные» обожествлялись как важнейший источник плодородия. Это предположение подтверждают жернов и серп, принесенные в качестве жертвы накануне гибели святилища [30, с. 266-273].

Глиняные «лепешки» с солярной и другой небесной символикой, к примеру, стилизованным изображением дождя в виде коротких косых насечек, найдены также на поселениях Героевка-3, Тиритака и Эльтиген Юго-Западное [50, с. 37]. Помимо них обнаружены разнообразные ритуальные комплексы. Так, на поселении Героевка-2 зачищены ямы содержащие захоронения собак и собак в сопровождении жернова [51, с. 14, 48]. На плитовом тюрко-булгарском могильнике у юго-западной окраины городища Тиритака найдена грунтовая яма, в которой находились человеческие и собачьи черепа, жернов и фаланга пальца с надетым на него кольцом [52, с. 32]. В верхних слоях Мирмекия прослежены остатки ямы, где были помещены человеческий череп и жернов [41, с. 165]. Несколько уникальных ритуальных захоронений зафиксировано в верхних слоях городища Артезиан. Среди них выделяются скорченное захоронение подростка в специально сооруженном «каменной колодце» в сопровождении черепа и шкуры быка, а также захоронение в яме остатков младенцев (их черепов и отдельных костей) и собак, в том числе щенка, втиснутого в одну из найденных здесь же амфор [53, с. 189-194].

С принятием частью крымских тюрко-булгар христианства в середине VIII в. на поселениях Керченского полуострова стали возводиться небольшие храмы. Остатки одного из них, в виде трехнефной базилики, выявлены А.В.Гадло у с. Пташкино. Еще один храм, возможно, функционировал на поселении Героевка-3, на что указывают найденные здесь архитектурные детали его внутреннего убранства – капитель колонны алтарной преграды и обломки керамических плиток пола [10, с. 135-140, рис. 4,5]. С распространением среди тюрко-булгар христианства большинство исследователей связывают изменения в их погребальном обряде, которые проявились в массовом распространении плитовых могильников [54, с. 129, 130; 55, с. 168]. На Керченском полуострове они обнаружены у с. Золотое, на мысе Зюк, в урочище Большой Вал, на Тиритаке, у сс. Михайловка, Белинское, Пташкино, Новониколаевка, Осовины, Огоньки,

Заветное и Героевское [34, с. 145]. В плитовых могилах зачищены одиночные и многократные захоронения, совершенные по христианскому обряду. Умершие находились в вытянутом положении на спине, головой на запад, с небольшим отклонением к югу. Христианскую принадлежность покойных подчеркивают изображения крестов на отдельных плитах могил (рис. 8,4). Погребальный инвентарь плитовых погребений немногочисленен и сопровождал в основном женские и детские захоронения. Преобладали украшения из бронзы и низкопробного серебра, бусы, аналогии которым известны на многих могильниках VIII-X вв. Подонья, Крыма и предгорий Кавказа. В некоторых плитовых могилах зафиксированы существенные отклонения от норм христианского погребального обряда. Так, на Тиритакском могильнике обнаружено погребение с восточной ориентировкой, на Осовинском – с северо-восточной, а на Михайловском – несколько могил с южной ориентировкой [52, с. 32-33; 56, с. 39; 57, рис. 1, 1,2; 2,2]. В некоторых погребениях помимо украшений находили амулеты в виде печаток с солярной символикой, скачущих козлов и лошадей и бусин, непригодных для использования по прямому назначению. Подобного рода находки свидетельствуют о сохранившихся в среде булгар-христиан пережитков прежних верований, по всей видимости, мирно сосуществовавших с новой идеологией. Таким образом, их мировоззрение носило еще синкретический характер [58, с. 39-45]. В связи с этим определенный интерес представляет одиночная плитовая могила, обнаруженная в насыпи античного кургана на поселении Героевка-2 [13, с. 190]. Погребенный в ней был похоронен по христианскому обряду, но рядом с могилой совершили тризну, прослеженную в виде скопления черепов лошадей и коров (рис. 8,2).

Какая-то часть тюрко-булгар продолжала придерживаться традиционных для них верований и культов, а также связанных с ними обрядов и обычаев, сохранившихся в “чистом виде”. Об этом свидетельствуют не только рассмотренные выше святилище и ритуальные захоронения, но и биритуальные могильники, выявленные у пос. Героевское и с. Осовины [13, с. 41; 59, с. 106, 107]. В них погребения одновременно совершались как в плитовых, так и грунтовых могилах. Причем последние содержали захоронения со следами ритуального разрушения скелетов [60; 61, с. 451-462] (рис. 8,3). Анализ погребального обряда, прослеженного в грунтовых могилах, показал, что в отдельных чертах он имеет сходство с обрядом захоронения на салтовских могильниках Подонья и Таманского полуострова. Особого внимания, несомненно, заслуживает характер повреждений костяков, который можно трактовать как следствие совершенного здесь обряда обезвреживания погребенных, широко распространенного среди алано-булгар Подонья, булгар Подунавья, на Южном Урале и Северном Кавказе [61; 62].

В завершении остановимся на вопросе, касающемся времени и причин гибели тюрко-булгарских поселений Крыма. Длительное время вслед за А.Л.Якобсоном

полагали, что они были оставлены на рубеже IX-X вв., вскоре после проникновения на полуостров печенегов [63, с. 53; 64, с. 65; 65, с. 35]. Имели место и другие версии [66, с. 198]. В последние годы их гибель обычно связывают с последним походом хазар на византийские владения в Крыму, который, согласно Кембриджскому документу, был совершен в годы правления императора Романа I Лакапина (920-944), в отместку за нападение князя руссов Хелгу на хазарский город Самкерц [67; 16, с. 227; 68, с. 40-49]. Это предположение отчасти подтверждается археологическим материалом, не выходящим в основной массе за пределы первой половины – середины X в. Хотя нельзя все же исключать, что на некоторых поселениях какая-то часть жителей уцелела. Об этом свидетельствуют находки византийских “воротничковых” амфор второй половины/конца X – конца XI/начала XII вв. и трех монет византийского императора Иоанна Цимисхия (969-976) на поселениях у г. Опук [69, с. 6], а также херсоно-византийской монеты Василия II и Константина VIII (976-1025) на Тиритаке [70, с. 33, № 200].

Со второй половины X в. степные районы Керченского полуострова целиком оказались под властью печенегов. По сообщению Константина Багрянородного, их земли были “...очень близки к Херсону, но еще ближе к Боспору” [71, гл. 37, с. 157]. Правда, за исключением редчайших находок лепной керамики с так называемым “пышным” или “роскошным” орнаментом, распространенной среди кочевников Восточной Европы в середине X – начале XI вв. [72, с. 103], их пребывание здесь археологически ничем не подтверждается [73, с. 164-169]. Это касается и немногих известных на Керченском полуострове впускных кочевнических подкурганых захоронений эпохи средневековья, выделить среди которых печенежские затруднительно.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: “Хронография” Феофана и “Бревиарий” Никифора. М., 1980.
2. Плетнева С.А. Кочевники средневековья. М., 1982.
3. Гадло А.В. Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991.
4. Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев, 1990.
5. Гадло А.В. Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о южном Приазовье VIII – X вв. // Вестник Ленинградского университета. 1968. Т. 14. Вып. 3.
6. Гадло А.В. Отчет о работе средневекового археологического отряда ЛГУ на территории Керченского полуострова в 1962 году // Архив КГИКЗ, д. 347.
7. Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1961. № 83.

8. Гадло А.В. Раннесредневековое селище на берегу Керченского пролива (по материалам раскопок 1963 г.) // КСИА. 1968. Вып. 113.
9. Гадло А.В. Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевки в 1964 г. // СА. 1969. № 1.
10. Гадло А.В. К истории Восточной Таврики VIII–X вв. // Античные традиции и византийские реалии. Свердловск, 1980.
11. Власова Е.В., Соловьев С.Л. Новые исследования хоры и некрополя Нимфея: 1992-1995 гг. // Археологические вести. 1996-1997. № 5.
12. Новоселова Н.Ю. Археологические памятники раннего средневековья // Приложение № 4 к Соловьев С.Л. Археологические памятники сельской округи и некрополя Нимфея. СПб., 2003.
13. Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Новые памятники салтово-маяцкого типа в окрестностях Керчи // МАИЭТ. 2000. Вып. VII.
14. Грач Н.Л. Некрополь Нимфея. СПб., 1999.
15. Гайдукевич В.Ф. Памятники раннего средневековья в Тиритаке // СА. 1940. № 6.
16. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
17. Федосеев Н.Ф., Пономарев Л.Ю. К трактовке некоторых артефактов некрополей Восточного Крыма // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. СПб., 2002. Ч. I.
18. Масленников А.А. Зенонов Херсонес – городок на Меотиде // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992.
19. Гавритухин И.О. К изучению горизонта хазарского времени на мысе Зюк // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Сборник научных материалов V Боспорских чтений. Керчь, 2004.
20. Могаричев Ю.М. О некоторых вопросах истории Крыма середины – второй половины VIII в. // ХСБ. 2004. Вып. XIII.
21. Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки в 1935-1940 гг. // МИА. 1952. № 25.
22. Гайдукевич В.Ф. Раскопки Мирмекия в 1935-1938 гг. // МИА. 1952. № 25.
23. Талис Д.Л. Росы в Крыму // СА. 1974. № 3.
24. Scholl T., Zin'ko V. Archaeological Map of Nymphaion (Crimea). Warsaw, 1999.
25. Катюшин Е.А. Об античной Кафе // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). Тезисы межд. конф. Симферополь, 1999.
26. Петрова Э.Б. Античная Феодосия: история и культура. Симферополь, 2000.
27. Васильевский В.Г. Хожание апостола Андрея в стране Мирмидоян // Труды. СПб., 1909. Т. 2. Вып. 1.
28. Винокуров Н.И. Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье. М., 1998.
29. Гайдукевич В.Ф. Илурат. (Итоги археологических исследований 1948-1953 гг.) // МИА. 1958. № 85.
30. Пономарев Л.Ю. Салтовское укрепление и святилище у с. Заветное // БИ. Симферополь, 2003. Вып. III.
31. Виноградов Ю.А. Археологические исследования около акрополя Мирмекия // Проблемы археологии и истории Боспора. Тез. докл. конф. Керчь, 1991.

32. Зинько В.Н. Новые раннесредневековые памятники Восточного Крыма // Византия и Крым. Тез. докл. междунар. конф. Симферополь, 1997.
33. Кубланов М.М. Раскопки некрополя Илурата. Итоги и проблемы // Научно-атеистические исследования в музеях. Л., 1983.
34. Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкие погребальные памятники Керченского полуострова // БИ. Симферополь, 2002. Вып. II.
35. Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю., Зинько А.В. Исследование хоры Нимфея и городища Тиритака // Археологічні відкриття в Україні 2002-2003 рр. Київ, 2004.
36. Кубланов М.М. Новые погребальные сооружения Илурата // КСИА. 1979. Вып. 159.
37. Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Исследование раннесредневековых памятников в окрестностях поселка Героевское // БИ. Симферополь, 2001. Вып. I.
38. Гадло А.В. Этнографическая характеристика перехода кочевников к оседлости (по материалам Восточно-Крымской степи и предгорий VIII-X вв.) // Этнография народов СССР. Л., 1971.
39. Шелов Д.Б. Раскопки средневекового поселения в Восточном Крыму // КСИИМК. 1957. Вып. 68.
40. Голенко В.К., Джанов А.В. Раннесредневековое поселение на южном склоне г. Олук // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси – Украины. Мат. науч. конф. Киев; Судак, 2002.
41. Гайдукевич В.Ф. Античные города Боспора. Мирмекий. Л., 1987.
42. Баранов И.А. Ранние болгары в Крыму (локальный вариант салтово-маяцкой культуры). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев, 1977.
43. Романчук А.И., Омелькова Л.А. Средневековое поселение на левом берегу реки Бельбек // Социальное развитие Византии. Свердловск, 1979.
44. Зинько В.Н. Охранные археологические исследования на хоре Нимфея // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь, 1997.
45. Пономарев Л.Ю. К характеристике салтовского керамического комплекса поселений Керченского полуострова // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003.
46. Атавин А.Г. Лощеная керамика средневековой Фанагории // Боспорский сборник. 1992. Вып. I.
47. Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Гончарная керамика VIII-IX веков с сельской округи Боспора // Археология и история Боспора. Керчь, 1999. Т. III.
48. Гайдукевич В.Ф. Некрополи некоторых Боспорских городов // МИА. 1959. № 69.
49. Баранов И.А., Майко В.В. Тюркское святилище Сугдеи // РА. 2001. № 3.
50. Пономарев Л.Ю. Глиняные "лепешки" с солярно-небесной символикой с салтово-маяцких поселений Керченского полуострова // Символ в философии и религии. VI Крымская междунар. конф. по религиоведению. Севастополь, 2004.
51. Зинько В.Н. Отчет о работе Боспорской охранно-археологической экспедиции в 1994 г. Керчь, 1995 // НА КФ ИА НАНУ.
52. Марти Ю.Ю. Разведочные раскопки вне городских стен Тиритаки // МИА. 1941. № 4.
53. Винокуров Н.И. Феномен человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время (по материалам ритуальных захоронений Крымского Приазовья) // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. СПб., 2003. Ч. I.

54. Айбабин А.И. Могильники VIII – начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. 1993. Вып. III.
55. Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. М.; Иерусалим, 2000.
56. Зицько В.Н. Отчет о работе Керченской охранно-археологической экспедиции в 1993 г. Керчь, 1994 // НА КФ ИА НАНУ.
57. Ольховский В.С., Петерс Б.Г. Раннесредневековые материалы Михайловского археологического комплекса в Крыму // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон, 1991.
58. Майко В.В. Еще раз о религиозном синкретизме Крымской Хазарии VIII – первой половины X вв. // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе. Севастополь, 2001.
59. Пономарев Л.Ю. Новый раннесредневековый могильник в окрестностях Керчи // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы Междунар. науч. конф. Харьков, 2001.
60. Пономарев Л.Ю. Биритуальный салтово-маяцкий могильник у поселка Эльтиген // БИ. Симферополь, 2004. Вып. V.
61. Флеров В.С. Погребальные обряды на Севере Хазарии. Волгоград, 1993.
62. Флеров В.С. Аланы центрального Предкавказья V-VIII веков: обряд обезвреживания погребенных. М., 2000.
63. Якобсон А.Л. Средневековый Крым. М.; Л., 1964.
64. Плетнева С.А. Хазары. М., 1976.
65. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа X-XIII вв. СПб., 1994.
66. Кропоткин В.В. Из истории средневекового Крыма (Чуфут-Кале и вопрос о локализации г. Фуллы) // СА. 1958. Т. XXVIII.
67. Голб Н., Прицак О. Хазаро-еврейские документы X в. М.; Иерусалим, 1997.
68. Майко В.В. Хозари у Криму в другій половині X ст. // Археологія. 1999. № 2.
69. Марти Ю.Ю. Городища Боспорского царства к югу от Керчи: Киммерик, Китей, Акра / ИТОИАЭ. 1928. Вып. II.
70. Кропоткин В.В. Клады византийских монет на территории СССР // САИ. 1967. Вып. Е4-4.
71. Багрянородный Константин. Об управлении империей. М., 1989.
72. Плетнева С.А. Кочевники в Таматархе // РА. 2001. № 2.
73. Пономарев Л.Ю. О населении Керченского полуострова во второй половине X – XIII вв. // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской междунар. науч. конф. Киев; Судак, 2004. Ч. II.
74. Кунина Н.З. Стекланный кувшин с христианскими символами из Эльтигена // Византия в контексте мировой истории. Мат. науч. конф., посвященной памяти А.В. Банк. СПб., 2004.
75. Фронджуло М.А. Раскопки средневекового поселения на окраине с. Планерское 1957-1969 гг. // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968.
76. Фронджуло М.А. О раннесредневековом ремесленном производстве в юго-восточном Крыму // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968.

ZIN'KO V. N., PONOMAREV L. Yu.

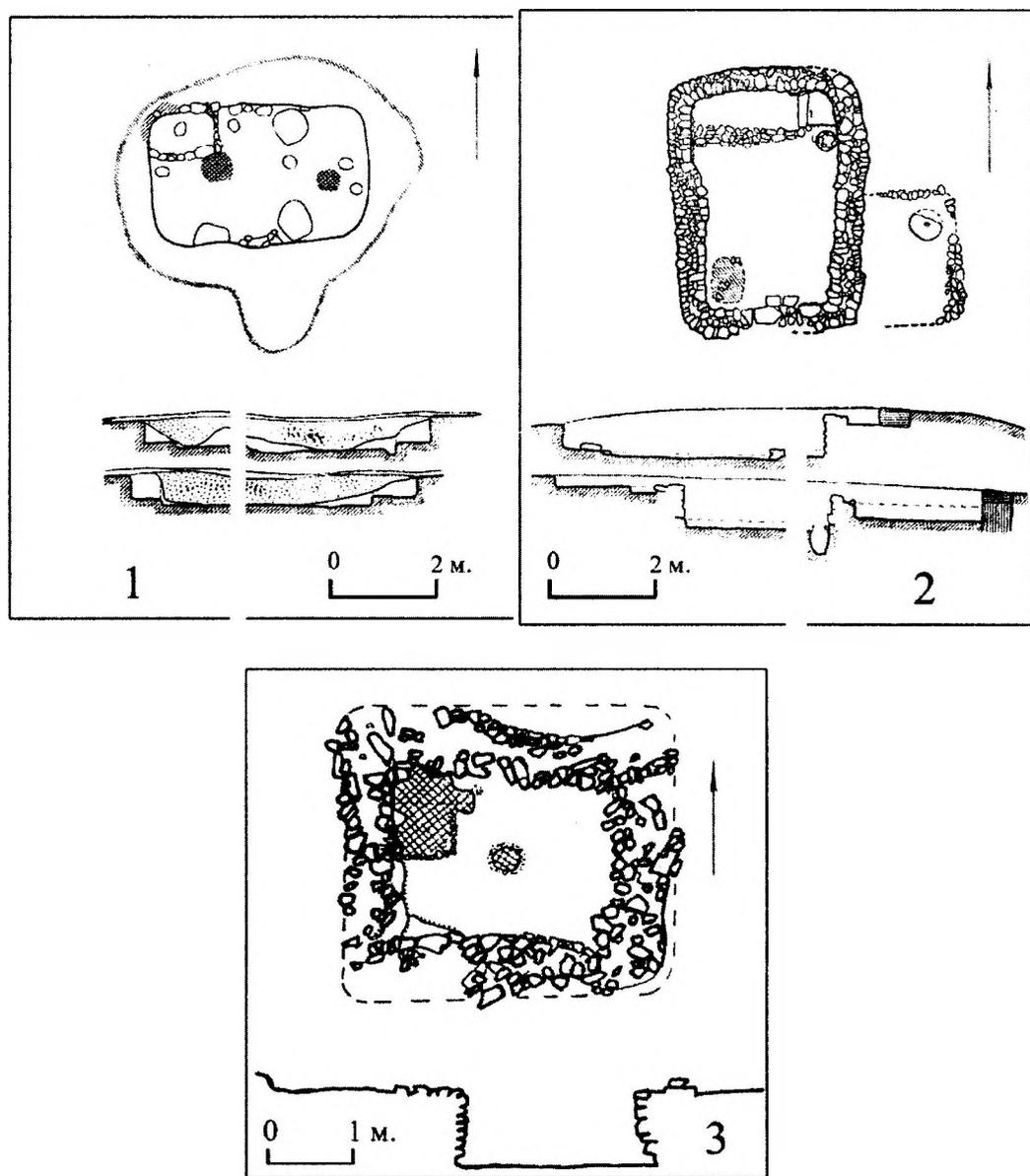
**THE STEPPES OF EAST CRIMEA DURING THE EPOCH OF KHAZARS
KAGANATE**

Summary

Resulting information of more than of half a century study of Turkic-Bulgarian monuments dating to the end of the 7th – the mid-10th centuries in the Eastern Crimea is given in this article. Chronologically they are divided into two groups. The monuments dating to the end of the 7th - the first half of the 8th centuries are referred to the first group; monuments dating back to the mid-8th – mid-10th centuries – to the second one. The earliest archaeological layers are traced in several settlements (Ptashkino, Geroevka). Primitive buildings in the form of ground dugouts and earth houses covered by stones reflecting the initial periods of the Turkic-Bulgarian's settling are associated with them. There are practically no funeral monuments dating to this period. The most archaic features are characteristic only for the burials near the settlement of Geroevka-VI.

Overwhelming majority of the Turkic-Bulgarian monuments is dated back to the mid-8th – mid-10th centuries. In contrast to earlier monuments powerful influence of provincial Byzantine culture is traced on them. Stone mud dwellings appear; imported crockery is widely used in private life. Since the mid-8th century Christianity penetrates in the Turkic-Bulgarian amidst. New churches are erected in their settlements. The funeral rite also changes. Instead of ditch graves they began to bury in plate burials. Though a part of the population followed old beliefs. Sanctuaries found on the Kerch peninsula as well as ritual burials, where the traditions of neutralizing deceased testify to this fact.

Not later the mid-10th century Turkic-Bulgarian settlements in the Crimea were abandoned, though no traces of military operations or other cataclysms are not traced. These events are related to the campaign of the Khazar commander Pesah onto Byzantine possessions in the Crimea; this campaign was undertaken in the years of Romanus's I Lecapenus reign. Since that time, according to Constantine Porphyrogenitus, the Crimean steppes had been under the control of the Pechenegs. Archaeological materials do not contradict it.

Рис. 1. Планы и разрезы полуземлянок.
1,2 – поселение Героевка-3; 3 – поселение Пташкино.

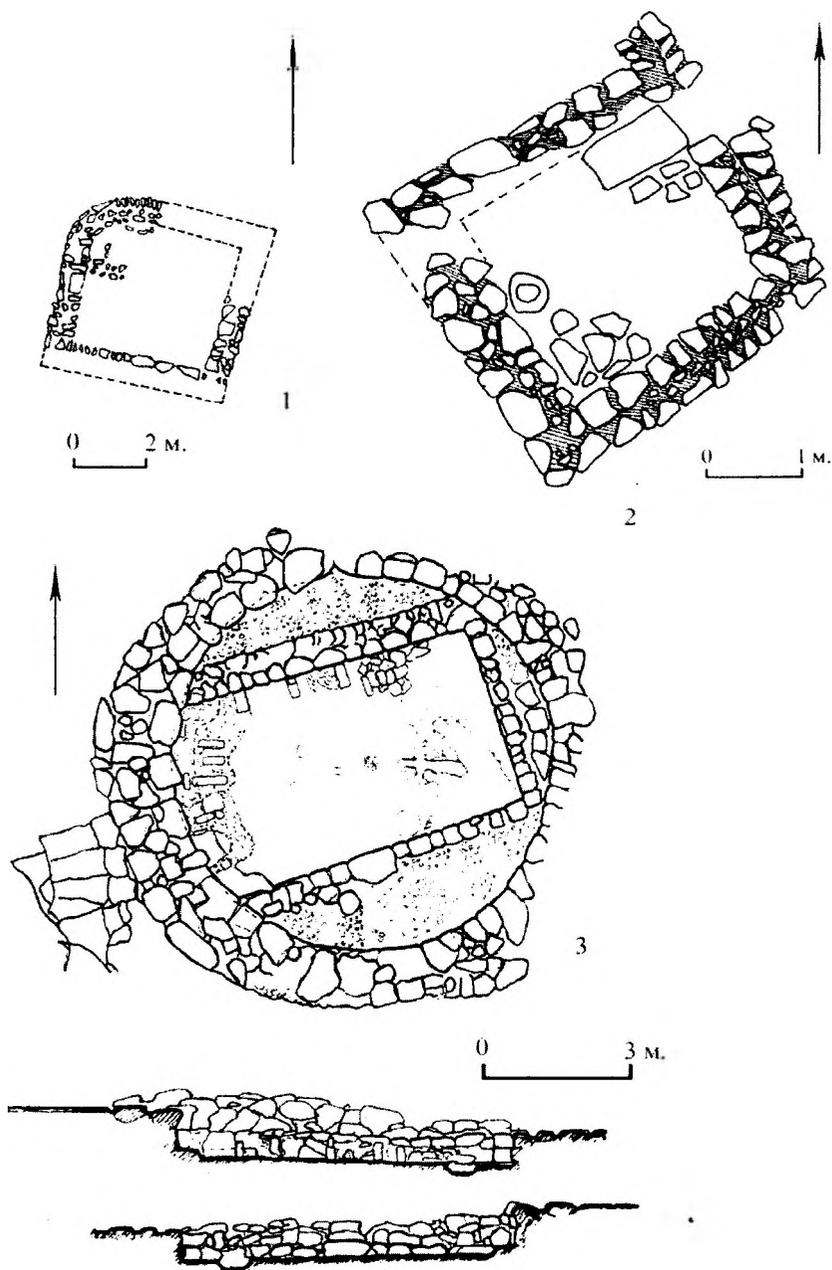
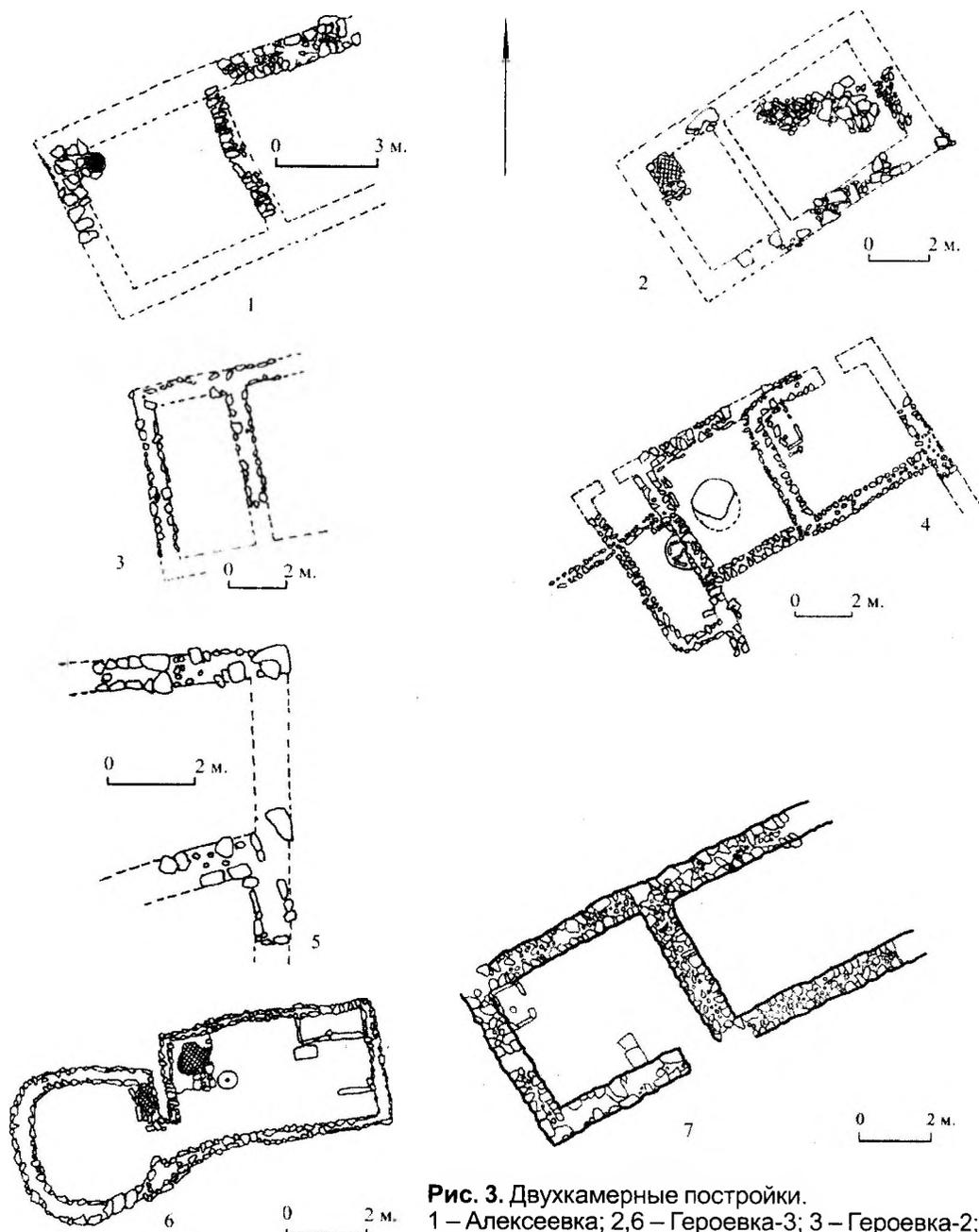

Рис. 2. Однокамерные постройки.
1 – Мирмекий; 2 – Героевка-2; 3 – некрополь
Илурата (по М.М.Кубланову).

Рис. 3. Двухкамерные постройки.
1 – Алексеевка; 2, 6 – Героевка-3; 3 – Героевка-2;
4 – Тиритака; 5 – Героевка-6; 7 – Илурат.

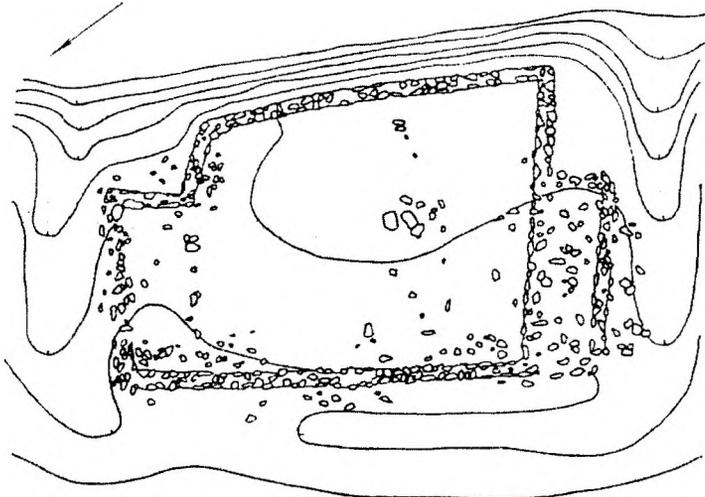

Рис. 4.1. План укрепления у с. Заветное (по Ю.Ю.Марти, 1936 г.).

0 10 м.

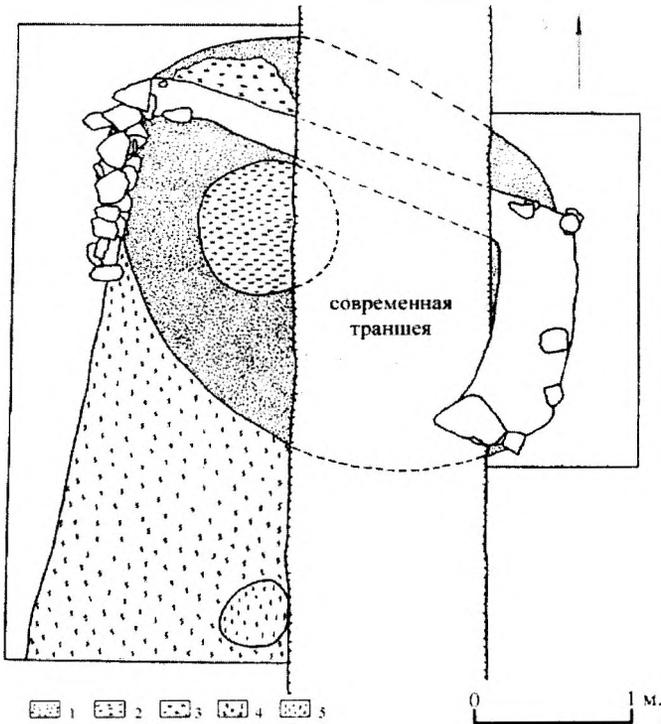

Рис. 4.2. План салтовского святилища у с. Заветное.

1 – ритуальная площадка; 2 – яма-очаг; 3 – развал сырца; 4 – зольник; 5 – современная яма.

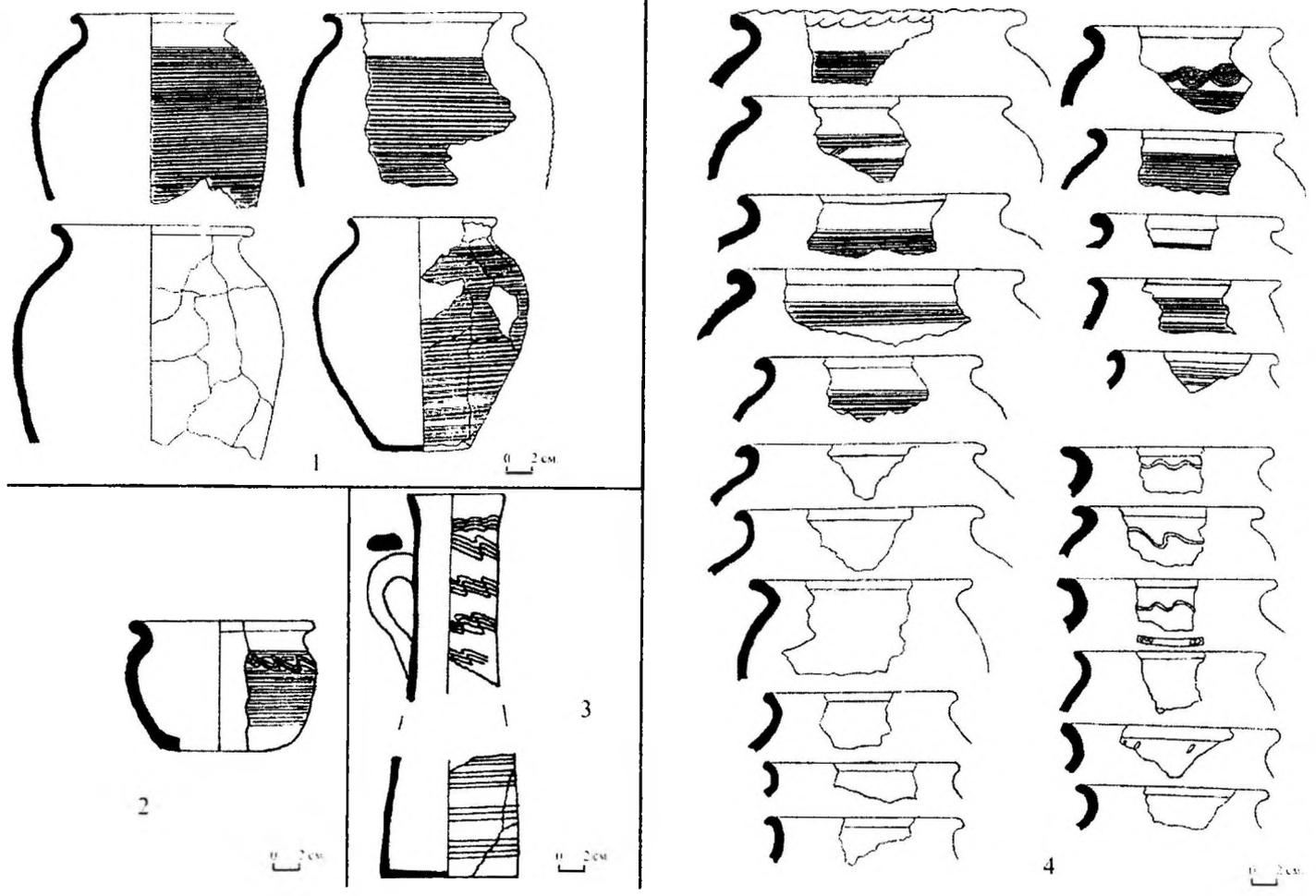

Рис. 5. Керамика салтово-маяцких поселений Керченского полуострова.

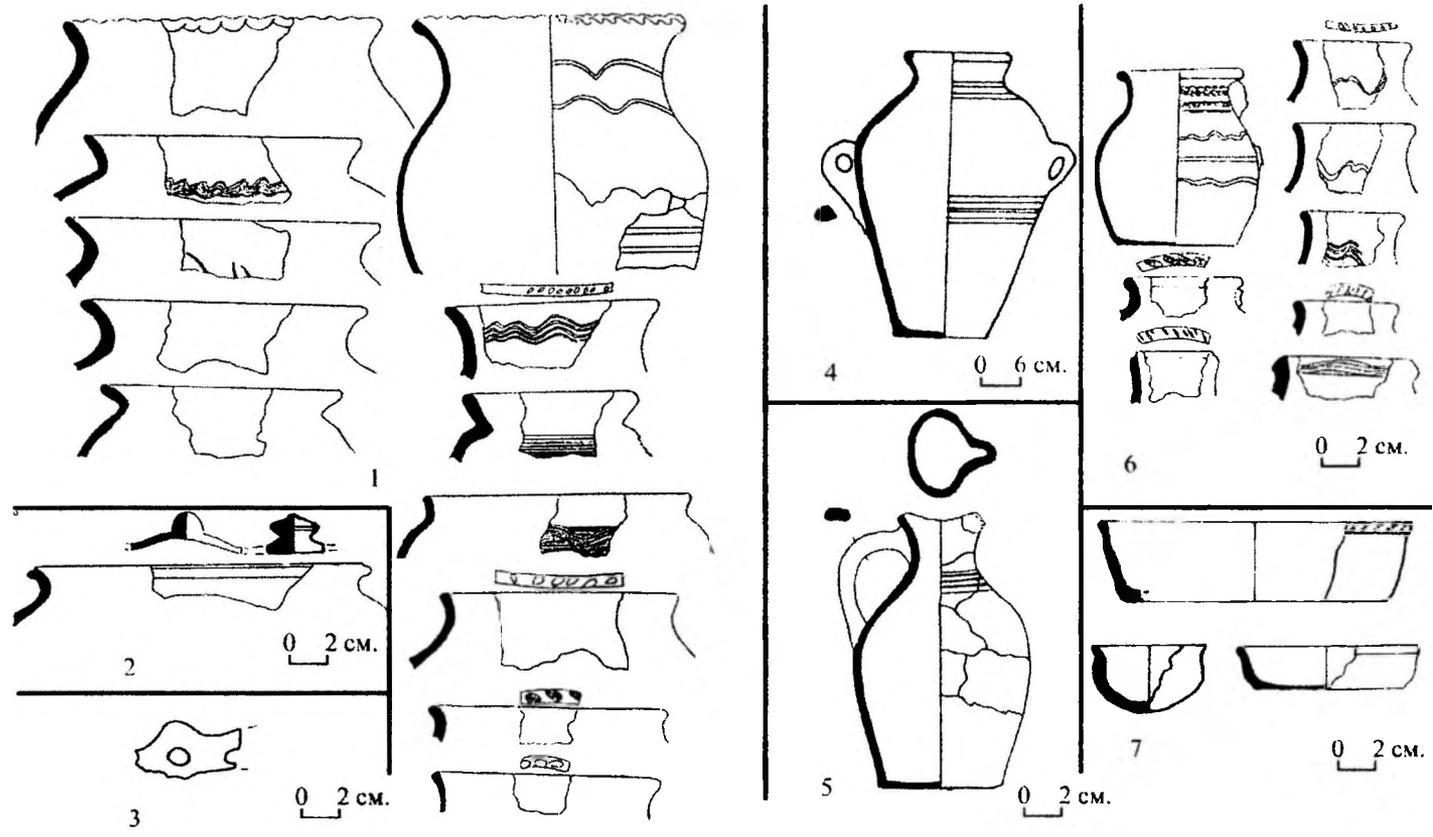
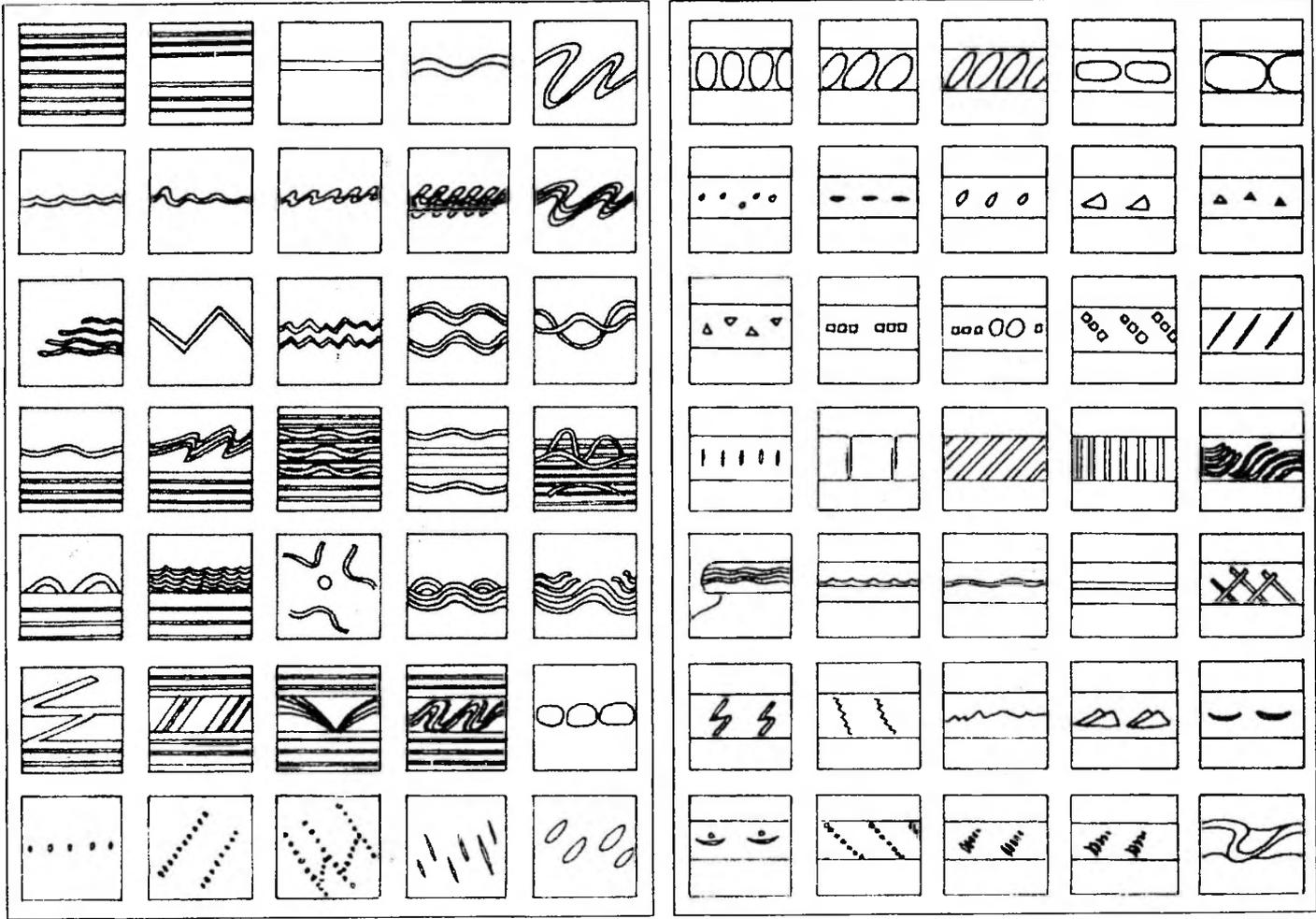

Рис. 6. Керамика салтово-маяцких поселений Керченского полуострова.

1

Рис. 7. Орнаменты салтово-маяцкой керамики на тулове (1) и венчиках (2) сосудов.

2

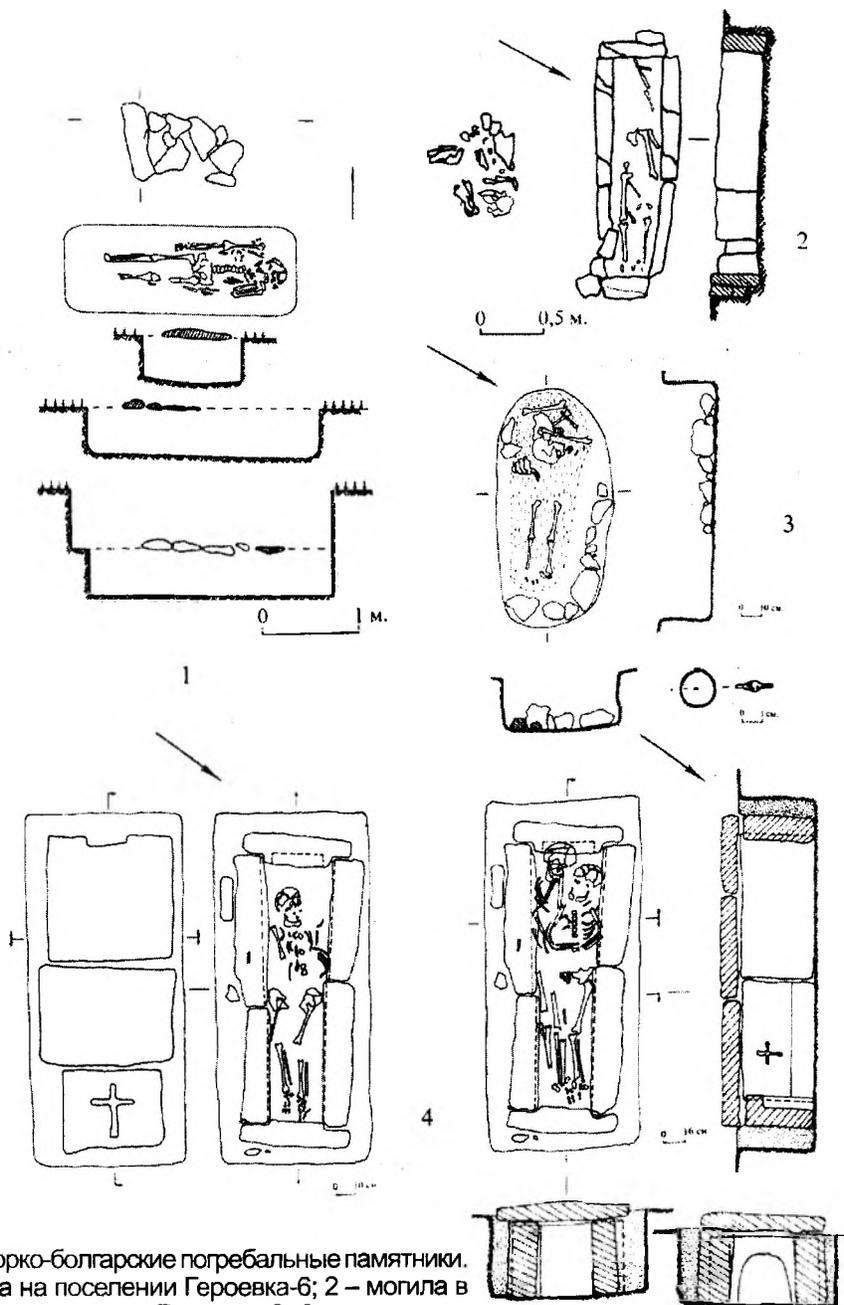

Рис. 8. Тюрко-болгарские погребальные памятники. 1 – могила на поселении Героевка-6; 2 – могила в кургане на поселении Героевка-2; 3 – могила на поселении Осовины-1; 4 – могила на некрополе Эльтиген-1 (верхний, нижний ярус).